

ЛИНГВИСТИКА

УДК 811.161.1'282.2'373(571.1)

О. Г. Щитова

МЕЖДИАЛЕКТНЫЕ ДОСИБИРСКИЕ ЗАИМСТВОВАНИЯ В ДЕЛОВОЙ ПИСЬМЕННОСТИ СРЕДНЕГО ПРИОБЬЯ XVII В.

Статья посвящена исследованию диалектной лексики в составе заимствований, функционировавших в формирующихся говорах среднеобского региона XVII в. Выявлена междialeктная лексика, унаследованная от материнских говоров российской метрополии. В научный оборот введены неопубликованные архивные материалы.

Ключевые слова: историческая лексикология, диалектология, заимствование, иноязычная лексика, среднеобские говоры, деловая письменность XVII в.

Для установления общерусской или диалектной природы неисконной лексики, функционирующей в русских говорах Среднего Приобья XVII в., данный словарный материал сопоставляется с лексическим составом памятников рассматриваемой эпохи, написанных на других территориях России в XVII в. Материалы томских деловых документов XVII в. сравниваются с данными Картотеки Словаря русского языка XI–XVII вв., привлекаются опубликованные московские памятники, севернорусские и южнорусские деловые документы, материалы монографий и статей, посвященных лексике разных регионов XVII в. Учитываются сведения древнерусских словарей и лексиконов XVII–XIX вв., а также исторических, этимологических, региональных и др. словарей. Для подтверждения локально ограниченного характера лексики немаловажную роль играет ее диалектный статус на более поздних этапах развития русского языка, в том числе на современном.

Говоры Среднего Приобья XVII в. относятся к раннепереселенческим говорам вторичного типа и формируются на междialeктной основе. Под диалектным происхождением лексики вторичного говора понимается принадлежность диалектного лексического материала материнским говорам [1, с. 68]. Диалектное происхождение говоров Томского уезда XVII в. определяется путем выявления территории первоначального местожительства населения данного региона, реконструкции диалектного состава первоначальников и анализа первоначального диалектного лексического материала, на базе которого складывалась лексическая система говора [1, 2 и др.] как сформированная при участии в основном севернорусских, а также среднерусских и в меньшей степени южнорусских говоров.

Анализ ареального статуса неисконной лексики, функционирующей в разговорной речи Средне-

го Приобья, представляет интерес в аспекте проблемы диалектного происхождения среднеобских говоров на раннем этапе их формирования.

Цель работы составляет определение территории функционирования в XVII в. неисконной лексики (западного и алтайско-уральского происхождения), заимствованной в досибирский период в материнские говоры российской метрополии и унаследованной в XVII в. говорами Среднего Приобья.

Северновеликорусское наречие распространено на северной территории европейской части России, начиная от побережий Баренцева и Белого морей и доходя на юге почти до Москвы. К севернорусским регионам относятся Архангельск, Холмогоры, Соловецкий монастырь, Великий Новгород, Вологда, Кострома и др. Южновеликорусское наречие охватывает территорию южных регионов европейской части Московской Руси, северная граница которой проходит в районах Можайска, Подольска, Рязани. Южнорусские говоры распространены в Смоленске, Калуге, Туле, Брянске, Гомеле, Чернигове, Путивле, Орле, Воронеже, западнее от Саратова, Царицыне и т.д., в местах проживания донских казаков. К среднерусским относятся псковский, московский, ростовский, суздальский, пензенский, астраханский и др. говоры.

Неисконная лексика, реконструированная для разговорной речи Среднего Приобья по материалам томских деловых документов XVII в., с точки зрения ареала функционирования в XVII в. распределяется по группам: общерусская, междialeктная и локальнодиалектная.

К *общерусской* лексике относятся неисконные номинации, зафиксированные на всей территории Московского государства XVII в., в памятниках севернорусских, среднерусских и южнорусских говоров. Широкий ареал функционирования слов данной группы приводит с течением времени к за-

креплению их большинства в составе русского литературного языка. *Междиалектную* лексику составляют иноязычные слова, распространенные в ряде диалектов, причем не только территориально граничащих, но и отдаленных друг от друга. *Локальнодиалектные* единицы присущи одному из говоров и имеют узколокальное распространение [3, с. 57]. К данной группе мы относим локально ограниченную лексику Сибири XVII в., в основном вошедшую из местных тюркских и монгольских языков в сибирские говоры на раннем этапе их формирования.

Обратимся к междиалектной лексике досибирского периода истории среднеобских говоров. К *досибирской* междиалектной иноязычной лексике относятся номинации, заимствованные в русский язык до XVII в. и унаследованные среднеобским региолектом от материнских говоров российской метрополии. Междиалектный статус присваивается заимствованиям, имеющим распространение не только в сибирских говорах, но и на европейской территории Руси, однако не повсеместно, а либо в северном, либо в южном наречии, а также чаще в группе среднерусских переходных говоров. Внимание к данной группе лексики способствует выявлению преимущественного влияния той или иной группы материнских говоров на формирующуюся лексическую систему говоров Среднего Приобья XVII в., дает возможность определить диалектное происхождение корпуса неисконной лексики томских говоров допетровской эпохи, имеющих локально ограниченное употребление.

Можно сделать предположение о диалектном характере досибирских заимствований из западных языков *чуга*, *шляхта* и *шлях*.

Номинация одежды *чуга* 'длинный кафтан' унаследована томской разговорной речью из материнских южнорусских говоров. «И к матери ево отнес своих подарковъ ковер турской *чюгу* сукно червчато багрець нашивка золотная полы подбиты бархател цветная...», Томск, 1635 г. (РГАДА, ф. 214, стб. 49, л. 80). Слово *чуга* заимствовано в русский язык из укр. *чуга*, *чугай* 'то же' и через посредство других славянских языков и связано с тур. *çöğ* [4, с. 669]. Данное слово вошло в русский язык в конце XVI в. из украинского через юго-западную границу русского государства. Принадлежность анализируемой лексической единицы к материнским южнорусским говорам подтверждается следующими основаниями: во-первых, у Даля данная лексема маркирована как курское диалектное слово, а эта территория находится вблизи от границы Украины (территории функционирования языка-посредника) с Россией; во-вторых, по семантике лексема, отмеченная в томских документах, отличается от старорусского *чуга* 'узкий кафтан'

(распространенного, по данным КСЛРЯ XI–XVII вв., в московской речи: «Чюга бархатъ Венедицкой бѣль, копытца шолкъ чорнѣ; на вороту 24 петли золоты; концы обнизаны жемчугомъ; подложена тафтою зеленою; подпушуна отласомъ черчатъмь...», 1589 г. [Плат. Бор. Год., с. 18] – КСЛРЯ XI–XVII вв.) и совпадает по значению с отмеченным В. И. Далем курским диалектным словом *чуга* 'долгий кафтан' [5, т. 4, с. 611]. Современные русские говоры Бурятии сохранили анализируемую лексему как обозначение короткого пальто или жилета из домотканого материала [6, т. 3, с. 304].

О заимствовании из польского языка номинации *шляхта* 'мелкое дворянство в Польше' применительно к XVII в. можно говорить как о диалектном, связанном с западными, южными и центральными областями русского государства и территориями поселений поляков (Шацк, Дон, Минск, Каменецк, Смоленск, Сумской острог, Тула, Москва, Саранск, Торопец, Тобольск, Томск, Иркутск и др.). «Ратные люди, смоленская *шляхта* и из Белогородского полку конные и пѣшые люди, по се число ко мнѣ ... в Шацкой не бывали...», 1670 г.; «Шли татаровя изъ Литвы с полономъ, и казаки де у татарь отбили ливтовского полону, ляховъ *шляхть* человекъ с тритцать, и привели на Дон. А нынѣ де тѣ шляхта у нихъ на Дону въ войскѣ...», 1648 г. [КСЛРЯ XI–XVII вв.]; «Андрей Юрьевъ сынъ Ядновской: дѣдъ его породю былъ шляхта королевская и взять былъ на войнѣ, посланъ къ Москвѣ...», Томск, 1662–1680 гг. [7, с. 42–43] и др. примеры.

В памятниках северновеликорусского наречия XVII в. слово *шляхта* не зафиксировано. В XVII в. оно известно на территории Западной и Восточной Сибири, что подтверждается фиксацией полонизма в памятниках, написанных, кроме Томска, в Тобольске, Иркутске (по данным КСЛРЯ XI–XVII вв.).

Полонизм *шлях* 'наезженная дорога, тракт', по материалам картотек Древнерусского словаря и Словаря XI–XVII вв., встречается на территории российской метрополии в памятниках, отражающих преимущественно южнорусские и в единичных случаях среднерусские говоры. Это многочисленные материалы по истории колонизации и быта степной окраины Московского государства (Харьковской и отчасти Курской и Воронежской губерний), документы о крестьянской войне под предводительством Степана Разина (Воронеж, Царицын), отписки донских атаманов, астраханские и московские деловые документы (подробнее см. [8]). Топонимы и оттопонимические дериваты, зафиксированные в документах, позволяют очертить ареал распространения полонизма *шлях* на территориях первоначального проживания носителей сибирских говоров: Воронеж, Путивль, Изюм, Царицын,

Крым, Приазовье, Харьков, Астрахань и др., связанный в основном с южными регионами страны, территорией распространения южновеликорусских и восточной группы средневеликорусских говоров. Название дороги *шлях* встречается и в московских деловых документах, однако только в конце XVII в. (позднее, чем данное слово появилось в томских памятниках) – в Розыскных делах о Федоре Шакловитом, возглавившем заговор против Петра I в 1689 г.: «И в каменномъ де затонѣ началный человѣкъ иноземец ... сказаль ему Матюшкѣ: боярскимъ де шляхом ѣхать тебѣ опасно...», 1689–1690 гг. [КСлРЯ XI–XVII вв.].

Думается, что в томскую речь полонизм *шлях* попал из южнорусских говоров, возможно, с речью казаков, так как в отписках томских воевод и других томских документах он встречается с 1629 г., «и после тово сказывали нам ясачных волостей люди, что они после побою ходили шляхом их, и от побойного места верстех в 10 и в 20-ти и больши находят многих людей мертвых...», Томск, 1629 г. Из отписки томских воевод [9, т. 2, с. 361]. Интересен контекст картотеки СлРЯ XI–XVII вв. из распроса донских казаков, подтверждающий возможный путь проникновения польского заимствования *шлях* в русский язык с речью донских казаков, которые «ходили воевать» в Польско-Литовское государство: «А конныхъ де большихъ казачьихъ походовъ... не бывало; только де урывались небольшими людьми в Крымскую степь подъ Татарские шляхи, которые ходили воевать въ Литву...», 1649 г. Среди первоначальников томской земли были казаки, включенные в систему «государевой службы»; по словам Г. Н. Потанина, «Ермак проложил путь в Сибирь для массы из казачьего юга и новгородского севера» [10]. В. В. Палагина в результате анализа антропонимов основателей Томска, а затем населения первой половины XVII в. пришла к выводу о том, что среди жителей Томска были и южнорусы [1, с. 54–55].

В севернорусских памятниках XVII в. анализируемое наименование проезжей дороги не отмечено. Факт неизвестности данной лексемы северновеликорусскому наречию подтверждается также отсутствием ее в мангазейских деловых документах XVII – первой половины XVIII вв. [11], так как «в Мангазее и ее уезде в XVII в. проживали уроженцы территорий севернорусского наречия» [12, с. 20]. Как обозначение дороги или следов полонизм *шлях* отмечен на территории Западной (Тара, Тобольск, Томск, Енисейск) и Восточной (Якутск) Сибири [13, с. 172–173]. В современных среднеобских говорах номинация *шлях* не употребляется, она вытеснена лексемами *дорога*, *тракт*.

Междialeктный статус имеет в XVII в. германизм XIII в. *шогла* ‘мачта’: «Тот Ондрюшка Губа с

товарищи, поймав з гсдрвых запасных судов грабежом парусы, и всякие снасти, и бечевы, и хлебные запасы, и шоглу ссекли и, поставя на свой дощеник, побежали на низ Томью-рекою...», Томск, 1638 г. [14, с. 310]. По данным КСлРЯ XI–XVII вв., обозначение мачты *шогла* (*шегла*) функционирует в среднерусских и южнорусских говорах. По Далю, диалектный статус заимствования сохраняется в последующие эпохи развития русского языка: в XIX в. оно, приобретая формальные и семантические модификации, квалифицируется как *волжск.*, *пск.*, *юж.* [5, т. 4, с. 618]. Современным русским языком и сибирскими говорами анализируемая лексема утрачена. В прибайкальских говорах известно экспрессивное прилагательное *шогластый* ‘хитрый и остроумный человек’ [6, т. 5, с. 357], возможно, метафорически связанное со словом *шогла* (высокий, как мачта, – видный – выдающийся).

Исследование досибирских заимствований алтайско-уральского происхождения позволяет выявить значительно большее количество регионально ограниченных единиц, имеющих диалектный характер, чем среди западных заимствований (*бечева*, *бисяга*, *камас*, *кис*, *курья*, *лабаз*, *морда*, *морж*, *мусат*, *нельма*, *ровдуга*, *росомака*, *сакма*, *туюс*, *уледи*, *остяк*, *чалбыш*, *чуни*).

Локально ограниченным в XVII в. является унаследованное из севернорусских говоров досибирское заимствование *бисяга* ‘попона под вьюки’, зафиксированное в томских рукописях XVII в.: «Того же дни отпущен ис Томского города в Кузнецкой острогъ Гостя Кирила Босова прикащик Иванъ Яковлевъ а у него русково товару шездесят половинок летчиных меньше земли... два конца холсту хрящу... десят фунтовъ перцу два фунта серы горячие пуд изюму ягод десят попон *бисягъ* дватцат пят рукавиць...», Томск, 1652 г. (РГАДА, ф. 214, кн. 305, л. 2). Сибирское *бисяга* – наследник северновеликорусского *бисяга* (по расходным книгам Кирилло-Белозерского монастыря) [15, т. 1, с. 186], которое возникло из *тисага* вследствие мены согласных по звонкости/глухости в северновеликорусских и сибирских диалектах. Анализируемая лексема тождественна арх., кольск., пинежск. *тисЯга* ‘одеяло на оленьем меху’, заимствованному в досибирский период из нен. *rĩs, ср. ненТ rĩ (rĩs в косвенных падежах и сложениях) ‘покрывало из шкур или сукна для женских нарт’ (+ суф. -яга, как в *сотняга*, *коняга*) [4, с. 129]. В XVII в. данное ненецкое заимствование зафиксировано в регионе Западной (Тобольск, Томск) и Восточной (Илимск) Сибири [13, с. 11].

Междialeктными являются заимствования сферы охотничьего промысла *камьс* (*камас*) ‘шкура с голеной лося, оленя’ и *кисы* (*кысы*), мн. ‘шкура с ног животных (оленя, лося, коня)’.

Финно-угорское заимствование *камас*, восходящее к саамскому *kāmas* ‘шкура, снятая с ног оленя (для подбивки лыж, изготовления обуви)’ [4, с. 245], в XVII в. известно в говорах севера Руси: в документах северного речного пути (Устюг Великий, Сольвычегодск, Тотьма), в приходо-расходных книгах Холмогорского архиерейного дома [15, т. 7, с. 40]. Лексико-фонетический вариант *камыс* зафиксирован, по данным КСЛРЯ XI–XVII вв., на территории Якутии, а также в Илимске, Мангазее [13, с. 59], Томске: «Послал торговой члк Иевко Григорьев сто камысов лосиных, пуд хмелю. И всего тех камысов и хмелю по томской таможенной оценке на пять рублев...», Томск, 1649 г. [14, с. 93]; «У нево неоправданова рускова товару... да томские покупки четыре пуда хмелю полтораста *камысов* лосиных и всего тово товару русково и хмелю и *камысов* по томской таможенной оценъке на семдесят на шесть рублев...», Томск, 1652 г. (РГАДА, ф. 214, кн. 305, л. 4 об.). Данное слово в форме *камас* засвидетельствовано и в Тобольске [13, с. 59].

Таким образом, ареал употребления слова *камас* (*камыс*) в XVII в. ограничен территорией распространения севернорусских говоров и говоров Западной и Восточной Сибири. Севернорусское *камас* [15, т. 7, с. 40] в результате диссимиляции гласных модифицировано в среднеобское *камыс*. По Далю, к XIX в. *КАМЫС арх. сиб.* полоса шкуры съ оленьей ноги... на подбой лыжь и на обувь, шерстью наружу // самая обувь эта, мягкие олени сапоги [5, т. 2, с. 83]. В современных среднеобских говорах *камыс* ‘шкура с оленьих и лошадиных ног’: «У коня или у оленя камыс, по сих пор [по колену] ноги ободраны. Олений камыс или с коня камыс – это здесь и *кысы* зовут» [16, ч. 1, с. 188].

Заимствование *кис* ‘шкура с голени животного’, известное в говорах Среднего Приобья XVII в., является унаследованным из материнских севернорусских говоров, в которые вошло из коми-зырянского *кыс* ‘шкура с голени животного’ [17, т. 2, с. 239; 6, с. 344]. В соответствии с этим отмечаются факты употребления лексемы, представленной фонетическим вариантом *кыс*, близким этимону, в севернорусской письменности, собранные в КСЛРЯ XI–XVII вв. (Сольвычегодск, Устюг Великий).

Данная лексема из области охотничьего промысла известна в XVII в. на территории Западной и Восточной Сибири (Тюмень, Верхотурье, Якутск): «У Ивашка [Романова, отпущенного из Тюмени на Русь для торговли] пять бобровъ, пять черевесей, бязь, полторы пестреди, три кушака, двадцать золотниковъ шелку, исподъ пупчатой, двѣнадцать *кысовъ*, двѣ оленины, медвѣдно, двѣ выдры...», 1609 г. – КСЛРЯ XI–XVII вв.; «Дватцат три *киса* олених и конинных» (Верхотурье, 1637 г.) [13, с. 60].

В томских деловых документах, как и преимущественно во всех сибирских, отмечена форма *кис*: «31 *кис* лосиных – рубль 28 алтын 2 деньги, 8 *кисов* коневых – 8 алтын...», Томск, 1640 г. [14, с. 95]. Фонетическая модификация согласного [к] > [кʼ] в сибирских говорах проявляется не только в случае *кыс* > *кис*, но и в других словах, например *кыштым* – *киштым* и др. В качестве диалектного слова, распространенного в сибирских говорах, анализируемая лексема в форме *кыса* отмечена в словаре у Даля: «*сиб.* шкурки съ оленьихъ ногъ, на обувь» [5, т. 2, с. 231].

Жизнеспособность данного заимствования подтверждается фактом его функционирования в среднеобских говорах вплоть до их современного состояния: «У нас без лыж нельзя. Особенно хорошо на гору с *кысом* идѣт» [16, ч. 1, с. 235], а также современных пермских говорах [18, с. 96].

Финно-угорское заимствование XV в. *курья* ‘залив реки, затон, заводь’ в XVII в. является междиалектным, функционирующим в севернорусских и сибирских говорах. В СЛРЯ XI–XVII вв. приведены материалы, в которых идет речь о курье на реке Каме, а также выдержки из сибирских документов. Обозначение залива или рукава реки *курья* известно в XVII в. в регионах Западной и Восточной Сибири: Верхотурье, Туринске, Тюмени, Тобольске, Мангазее и, возможно, Илимске [13, с. 68]. Номинация отмечена у Даля как сибиризм в значении ‘старица, старое русло, заметанное с концов’ [5, т. 2, с. 225] и функционирует в современных среднеобских говорах: «Курьи – заливы, старицы» [19, т. 3, с. 199].

Досибирское заимствование (ранняя фиксация в русской письменности – 1578 г.) *бечева* ‘прочная веревка для тяги судов против течения’ вошло в русский язык из тюркских языков Поволжья в связи с практикой вождения судов бечевой против течения. В XVII в. данное обозначение толстой веревки еще не было общеупотребительным: оно зафиксировано в севернорусских и среднерусских памятниках и не отмечено в южнорусской письменности. В качестве свидетельств относительно употребления тюркизма в северновеликорусских говорах можно назвать памятники владимирско-поволжской группы (писцовые книги по Нижнему Новгороду), северной группы (приходно-расходные книги Антониева Сийского монастыря в Холмогорах), восточной группы (приходно-расходные книги Спасо-Прилуцкого монастыря близ Вологды). Коломенские деловые документы, фиксирующие анализируемое заимствование, представляют восточную группу среднерусских говоров [15, т. 1, с. 182–183].

Таким образом, ограниченным ареалом распространения характеризуется в XVII в. тюркское за-

имствование *бечева*, унаследованное томской разговорной речью Среднего Приобья XVII в. из севернорусских или среднерусских говоров: «Сентября в 12 день торговому человеку Гаврилку Рагалеу за *бечеву* восемь алтын две денги взята *бечева* под государеву под соболиную казну в прошлом во 138-м году...», Томск, 1631 г. (Том. расход. кн. 1630–1631 гг., л. 199 об. – 200).

Междialeктный статус тюркизма в XVII в. дополняется его функционированием в говорах Западной Сибири – в Мангазее [11, с. 38]. Общерусским и литературным обозначение веревки *бечева* становится к XIX в. [5, т. 1, с. 90]. В современных среднеобских говорах в активном употреблении слово используется как обозначение крученой веревки, а значение ‘канат, которым тянули суд по реке’ является устаревшим [19, т. 1, с. 84].

Северновеликорусскими и средневеликорусскими говорами ограничено употребление досибирского заимствования конца XV в. *остяк*, *остяки* (мн.). ‘ханты, селькупы, кеты на Оби, Иртыше, Енисее’ [6, с. 431]. В XVII в. данный тюркизм и его производные зафиксированы в регионе Холмогор и Устюга Великого, Чердынского уезда, Москвы и др. На территории сибирского фронта XVII в. данное слово широко распространено как в Западной, так и в Восточной Сибири [13, с. 97], материалы КСЛРЯ XI–XVII вв. подтверждают сделанный вывод.

В современных среднеобских говорах тюркизм *остяк* развивает обобщенное значение ‘представитель северных народностей вообще’ [19, т. 4, с. 270], тенденция к расширению экстенционала слова *остяк* наметилась еще в XVII в. В современном русском литературном языке этноним *остяки* имеет значительно более конкретную семантику (по сравнению с семантикой в диалекте) – «устарелое название хантов» [20, т. 2, с. 659], является архаизмом, вышел из активного употребления, переместившись на периферию лексической системы.

Итак, выявление ареала функционирования междialeктных заимствований на территории материнских говоров позволяет определить диалектное происхождение неисконного фрагмента формирующейся лексической системы говоров Сред-

него Приобья. Междialeктная иноязычная лексика говоров Среднего Приобья XVII в. состоит из номинаций, относящихся к различным материнским говорам: а) преобладают лексемы, унаследованные говорами Среднего Приобья от материнских севернорусских говоров (*бияга*, *камас*, *кис*, *курья*, *лабаз*, *нельма*, *ровдуга*, *сакма*, *туяс*, *уледи* и др.) и незнакомые группам других говоров (около 50 % от числа всех междialeктных лексических единиц); б) севернорусским и среднерусским говорам обязаны своим существованием в речи населения Томского уезда XVII в. досибирские заимствования *бечева*, *морда*, *морж*, *росомака*, *остяк*, *чалбыш* и др. (около 31 % междialeктных лексических единиц); в) ареал функционирования, ограниченный материнскими южнорусскими и среднерусскими говорами, имеют досибирские западные заимствования *шляхта*, *шлях*, *шогла* (более 11 % междialeктных лексических единиц); г) из южнорусских говоров, по нашему мнению, вошли в среднеобские досибирское заимствование из украинского языка *чуга*, а также полонизм *шлях* (известный и в среднерусских говорах).

Можно сделать вывод о том, что диалектное происхождение иноязычной лексики говоров Среднего Приобья XVII в. обусловлено в основном севернорусскими говорами, а также среднерусскими и в меньшей степени южнорусскими.

Сокращения

КСЛРЯ XI–XVII вв. = Картотека Словаря русского языка XI–XVII вв. Института русского языка им. В. В. Виноградова РАН (г. Москва); л. = лист; об. = оборотный; Плат. Бор. Год. = Платье царя Бориса Федоровича Годунова, 1589 г. // Савваитов П. Описание старинных царских утварей, одежд, оружия... СПб, 1865. С. 11–21; РГАДА, ф. 214 = Российский государственный архив древних актов, фонд 214 «Сибирский приказ» (г. Москва); стб. = столбец; Том. расход. кн. 1630–1631 гг. = Расходная книга г. Томска 1630–1631 гг.: Рукопись. Научная библиотека ТГУ, отдел рукописей, витрина 765, л. 1–250 об.

Сокращения языков и диалектов даны в соответствии с [4].

Список литературы

1. Палагина В. В. Годы и труды. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2007. 368 с.
2. Палагина В. В. Об исходном состоянии томского говора // Известия Сибирского отделения Академии наук СССР. Сер. обществ. наук. 1973. № 1. Вып. 1. С. 104–107; Захарова Л. А. О диалектной основе сибирских говоров XVII – начала XVIII века / Л. А. Захарова // Актуальные проблемы русистики: мат-лы Междунар. науч. конф. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2003. Вып. 2. Ч. 1. С. 122–128.
3. Юналеева Р. А. Тюркизмы русского языка (проблемы полиаспектного исследования). Казань: Талигмат, 2000. 172 с.
4. Аникин А. Е. Этимологический словарь русских диалектов Сибири: заимствования из уральских, алтайских и палеоазиатских языков. М.; Новосибирск: Наука, 2000. 768 с.
5. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. М.: Гос. изд-во иностр. и нац. словарей, 1955. Т. 1–4.

6. Словарь русских говоров Сибири: в 5 т. / Сост. Н. Т. Бухарева, Т. А. Голикова и др.; под ред. А. И. Федорова. Новосибирск: Наука, 1999–2006.
7. Головачев П. Г. Томск в XVII веке. Б. м.: Изд-во Горохова, б. г. С. 24–161.
8. Щитова О. Г. Закономерности семантической ассимиляции неисконной лексики среднеобских говоров (на материале томских деловых документов XVII века) // Вестн. Томского гос. пед. ун-та. Сер.: Гуманит. науки (филология). 2007. Вып. 2 (65). С. 45–52. Щитова О. Г. Неисконная лексика в русской разговорной речи Среднего Приобья XVII века: монография. Томск: Изд-во Томского гос. пед. ун-та, 2008. 480 с.
9. Миллер Г. Ф. История Сибири: в 2 т. М.; Л., 1937–1941. Т. 1–2.
10. Резун Д. Я., Шиловский М. В. Сибирь, конец XVI – начало XX века: фронтир в контексте этносоциальных и этнокультурных процессов // URL: <http://www.history.nsc.ru/kapital/project/frontier/ch2.html>
11. Цомакион Н. А. Словарь языка мангазейских памятников XVII – первой половины XVIII вв. Красноярск: Изд-во Краснояр. пед. ин-та, 1971. 581 с.
12. Цомакион Н. А. Туруханские говоры в их истории и современном состоянии. Красноярск: Изд-во Краснояр. пед. ин-та, 1966. 494 с.
13. Панин Л. Г. Словарь русской народно-диалектной речи в Сибири XVII – первой половины XVIII в. Новосибирск: Наука, 1991. 181 с.
14. Словарь народно-разговорной речи г. Томска XVII – начала XVIII века / Авт.-сост. В. В. Палагина, Л. А. Захарова и др.; под ред. В. В. Палагиной, Л. А. Захаровой. Томск: Изд-во Томского ун-та, 2002. 336 с.
15. Словарь русского языка XI–XVII вв. / гл. ред. Г. А. Богатова, В. Б. Крысько и др. Вып. 1–28. М.: Наука, 1986–2008.
16. Словарь русских старожильческих говоров средней части бассейна реки Оби (Дополнение): в 2 т. / Сост. О. И. Блинова, О. Г. Щитова и др.; под ред. О. И. Блиновой, В. В. Палагиной. Томск: Изд-во Том ун-та, 1975. Т. 1–2.
17. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: в 4 т. 2-е изд. М.: Прогресс, 1986–1987. Т. 1–4.
18. Зверева Ю. В. Наименования одежды в пермских говорах как источник этнокультурной информации // Этнолингвистика. Ономастика. Этимология: мат-лы Междунар. науч. конф. Екатеринбург, 8–12 сент. 2009. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2009. С. 95–96.
19. Вершининский словарь: в 7 т. / Под ред. О. И. Блиновой. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1998–2002. Т. 1–7.
20. Словарь русского языка: в 4 т. 3-е изд. М.: Рус. яз., 1985–1988. Т. 1–4.

Щитова О.Г., доктор филологических наук, доцент.

Томский государственный педагогический университет.

Ул. Киевская, 60, г. Томск, Томская область, Россия, 634061.

E-mail: shchitova@sibmail.com

Материал поступил в редакцию 05.10.2009.

O. G. Schitova

INTERDIALECT PRESIBERIAN BORROWINGS IN THE BUSINESS MIDDLE-OB WRITING OF THE XVII CENTURY

The article is devoted to the study of dialect vocabulary containing borrowings from the forming dialects of the Middle-Ob region in the XVII c. There was defined the interdialect vocabulary inherited from mother dialects of the parent state. There were also used unpublished archive materials.

Key words: *historical lexicology, dialectology, borrowing, foreign vocabulary, Middle-Ob dialects, business written language of the XVII c.*

Tomsk State Pedagogical University.

Ul. Kievskaya, 60, Tomsk, Tomsk Oblast, Russia, 634061.

E-mail: shchitova@sibmail.com